

Ольга Мартынова

СУМАСШЕДШИЙ КУЗНЕЧИК

Наташе от автора
Франкфурт 24.2.95

Евгений Яковлев

Ассоциация современной литературы
КАМЕРА ХРАНЕНИЯ
Санкт-Петербург

Ольга Мартынова
сумасшедший кузнечик

Olga Martinova. *Sumasshedshij kuznecik*
A poetry book

Copyright © O.Martinova.1993

Copyright © Association *Kamera khraneniija*. 1993.

Copyright © Idea of cover design

Oleg Jourjew

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced, in any form or by any means, without permission

Ольга Мартынова. Сумасшедший кузнецик. Книга стихов

Авторские права © О.Б. Мартынова. 1993.

Перепечатка какого-либо текста или воспроизведение его любыми другими средствами — только с разрешения автора или его доверенного лица.

© Ассоциация современной литературы "Камера хранения". 1993

Dmitrij Zak, Roederbergweg 121, 60385 Frankfurt am Main,
BRD

Россия, 197343, Санкт Петербург, ул. Матроса Железняка 33-
55, Д.М.Зак

© Идея оформления. О.Юрьев

Редактор книги Д.Закс

Санкт-Петербург — Франкфурт-на-Майне
МСМХСIII

ISBN 5-86687-004-6 Лицензия ЛР № 062273

Издательство "Живое слово" Санкт-Петербург, Фонтанка, 40

I

Неслышно на поле
Блистающие покрывала
Ночных округлостей земли,
Углов, узлов ее, овала.

Большой и шумной головою
Покачиваю на стебле:
«Скажи, кузнечик, нас здесь двое,
Что ты поешь своей земле?»

82

Где не было ни деревень, ни городов —
То сосны берега, то бляеные коз —
Мир ветхий светел был, был весь — как голосок
Застуженный, и падал на песок
В гнездо бумажное замешкавшихся ос,
И полная волна катила вслед
Остуженной печали прошлых лет.

Не памятью, но в чем гнездится осень —
Природа не узнала диких сосен
За перекатами покатых валунов.
Она же — страшных, с лнеем на спинах
Вытягивала на свои луга коров,
Где те светились жутче белым свиных.
И, золотистым воздухом отмечен,
Студеный мир был чуден, был беспечен.

Вполне прозрачным становился воздух,
Все вымораживал, все выбелял углы,
Гонимые на вынужденный отдых,
Брели к воде мычащие стволы.
А там, где перекачивание света
Сгущаясь, отклонялось тяжело
К тутому бубну нищенского лета —
Смыкалась там зеленая вода.

Мой мир не населен. В нем воздух так прозрачен,
В нем так свободно звук несет себя, а цвет
Ни тенью ни одной, ничем не обозначен —
И нету отзвука. Да уж и звука нет.

83

Вдыхая холод воздуха и света,
Я говорю: «Со мною друга нет»,
Так просто голос произносит это,
Как влажный воздух сглатывает след
От голоса, где бабочка — невидный
Ведет стежок полета своего.
Я говорю: «Мой жребий незавидный,
Но лучше я не знала ничего».
Червь голову продел до середины
Светлеющего яблока. Его
Лицо в соку, его собратьев спины
Качаются в соку кругом него.

Вон слипаясь, приподняты, ладоши,
Он обернул бездумные зрачки
Поверх спины, в даль яблока. Вдоль кожи
Почти образовались позвонки...

Я говорю: «Со мною друг не рядом».
Серебрян самолет и даль света.
И воздух полон насекомым падом.
То не моя, быть может, жизнь была.

Время катит мою колесницу.
Что ни воздух — все воздух предместий
Я вдыхаю один за одним.
А когда, золотыми крылами томим,
Ангел огненный, жизни живущей прелестней,
Скажет мне у входа в столицу:
«Что ты сделала с даром своим?»
«Что ты нам принесла?» — «О румяный, —
Я скажу, — О молодой, о живой,
Вон — небес полукруг оловянный,
Видишь? катится следом за мной,
И за ним целый мир неимянный —
Ни земной, ни небесный, ни мой.

Там играют какие-то звери
В омертвевшее сердце мое,
Там горящее сердце свирели
Выдувается на острие.
Там и ветер стенает сквозь двери,
Сожалев о сердце ее».

«О бездумное, нищее племя, —
Он сказал мне. — Какие дары
Обронили вы в прах бестолковый...
Сколько нищих. О сколько нищих...»

84

Я не умру, когда поднимет надо мною
Смерть сильною рукою свой нетленный стяг,
Я буду видеть клены, с тонкою, земною
Способностью благоухать в горстях...
Всяк в этот день с своей расставшийся душою,
Коснется облаков со мной в одном строю,
И мы покинем землю, войско небольшое,
Сражаться за кого-нибудь в неведомом краю.

Теперь все в доме спят. Сад черен. За рекою
В овраг с деревьев падает вода.
И северная ночь царит над головою.
И летние хоромы мы построили сюда.
Теперь в овраге плещется вода
Над паутиной, листьями, ежами,
А днем они глядят на нас всегда
Сухими и довольными глазами.

Кто дал им силы эту смерть скрывать?
Кто утром их разогревает кровь?
Когда я подошла к реке, чтобы узнать,
Мне ночь сказала: «Уходи, здесь смерть и здесь любовь».

...Катится колесо дождя.
Оно все ближе, ближе... запах
Травы все резче. В темных лапах
Блеснуло солнце, заходя.

И мутной пены полон сад
Над бальзамином и ромашками,
И капли глухо шелестят
Забывшими в беседке чашками.

Закат, пока не сгинул прочь,
Сочился сумерками чайными;
Упала на аллею ночь
С ее приметами случайными.

И ночь напрасна и смугла,
И ночь безвременьем окачена,
И неба влажная скула
Ночную судорогой охвачена.

И ветер глухо потропшит
Ночные небеса, и, сдавлена
Тьмой облаков, луна лежит,
Как воспаленная миндалина.

И жизнь, кроша мои сады,
Все кажется ясней и кротче.
Но жизнь, из этой черноты
Глядится проще и короче.

85

Такая быстрая зима, как век снежинки;
Такое медленное, медленное лето.
Жизнь, как купальщица на фотоснимке —
Вполоборота и полуодета.
И ухмыляется беспечно, неизменно,
И капли моря ей легли на плечи,
В ней все манит — и смуглые колена,
И кружева, и ясный взгляд овечий.

... А там зима, больная и глухая,
И злобная, и старая; и скоро
Ее пустое сердце, затихая,
Откатится и ляжет среди сора.
Как жаль ее! как долго станет лето,
Не шелохнувшись, красоваться где-то;
Как медленно купальщица уходит
И на песке не оставляет следа.

Шампанским воздухом зима
Волнует ноздри... Легкокрылой,
Седой, мохнатую кобылой
Пейзаж заснеженный глядит...
И что полуночная тьма
Пред этой живописной силой,
Что сердце больно шевелит?

Зачем Творец вручил нам это
Многообразие бытия,
В котором может быть и я,
Как часть какого-то узора
Нерукотворного шитья,
Достойна горнего привета
Или внимательного взора?

85

ВЫРИЦА

Мир лоскутный, пестрядевый,
Он же — на экране сна,
Он же — светлый рай медовый,
Светлобокий, как блесна.
Мох растет неаккуратно,
Ходит рыба под водой,
И скрипуче, непонятно
Крикнет птица троекратно,
Невидна во тьме седой.

Дождь прошел, на листьях глянец,
Лужа через край течет...
Вдруг цыганка с возу глянет
И сережками качнет.

Воз проедет, и дорога
Повернет, и ночь придет.
Жизнь, уставшая немного,
Нити грубые прядет,

Время ткёт. И пестрядевый
Мир приковывает взгляд;
На лоскутный рай медовый
Свой короткий, свой дешёвый
Примеряет он наряд.

85

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ПРО ЖИВОТНЫХ

1. ВОРОНА

Неделю целую ворона
Причесывала гнездо,
Да бросила... Легко и сонно
Она живет теперь. И то...

От беглой речи Цицерона
Рябит пейзаж в моем окне:
То в прутьях тополя ворона,
То Бальб на лысом скакуне,
То островерхие деревья
Пронзают воздух завитой —
То распушась, то индевея
За точной города чертой.

Еще весна в своем начале,
И млеют римские холмы
На солнцепеке — одичали
В чужой земле чужой зимы.
И голоса, чей смысл утрачен,
Теперь теряют даже звук,

И мускул жизни обозначен
В лучах сильней, чем света дух.
И травы вырастут, качая
Тычинками своих цветков,
И зашумят, не замечая
Своих бессмертных двойников.

2. ЖУРАВЛЬ

I

Журавль рыдает, как Психея,
В невидном небе голубом,
Выгягиваясь и светлея
И, пропадая за углом
Невидимого поворота,
Летит на Северо-Восток...
Весны прозрачные тенета,
Заката огненный желток —
Увы! Ничто не предвещало
Черемух красные цветы,
Пружинило весны начало,
Как розовые бальзамины
(И только тощие коты
Наверх, на клены-исполины,

Взлетали и, как будто птицы,
На ветках умывали грудь,
Боясь взлететь или свалиться
В весны расплавленную ртуть) —
Но душ сиротская громада,
Мечтая форму обрести,
Соскакивает в кузни ада.

И мир дрожит в своей горсти.

II

Журавль рыдает, как Психея,
В невидной дали голубой,
Вытягиваясь и светлея
Анестезиновой иглой,
А занемевшие просторы
Следят восторженно за ней,
Ее невидные уколы
Вдруг стали видного видней.

И надо всем повисла кошка,
Вцепившись в дерева кору,
Его упругая макушка,
Как мачта, гнется на ветру.

Мир с высоты зеленой бездной
Открылся кошкиным очам.
И Ярославную прелестной
Она рыдала по ночам,

А по утрам в ее гортани
Переставал рождаться стон,
К игре зеленой светотени
Был взор кошачий устремлен,

Игра рождения и смерти
Ей виделась в лучах листвы —
«О сколько кошек есть на свете!
И будут все они мертвы.
О сколько кошек народится!
И все они переплелись», —
То мир в ее глаза глядится
И манит в бездну, в зелень, в высь.

3. ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ.

И бабочки, что люди — смертны.
Я помню, бабочка одна,
Чьи крылья розовые меркли
На раме моего окна

(Так меркнет краткий луч заката
В продольном сумраке стекла),
В мой дом, незванная, вошла,
Как жизни первая утрата.
Сначала все она сидела,
Не размыкая черных крыл,
Как будто спрятаться хотела
На выцветшей коре белил.
О как она была похожа
На лист, не сорванный ветрами,
Листок, чья сморщенная кожа
Одна белеет над снегами!
Но, чтя закон странноприимства,
Я диких принесла цветков,
Надеясь, что найдутся яства
Среди осенних лепестков.
И, с шумом развернувши крылья,
Она порхнула на цветок.
О этих крыльев изобилье,
На каждом — радужный зрачок!
Но с каждым утром угасала
Ее печальная краса,
И все туманней жизнь мерцала
Через раскосые глаза...

Вот синяя небес корзина,
Чьи прутья сплетены тесно,
Как двуединая картина. —
В мое направлена окно
Неповторимым круглым днищем
(В себя вбирая заодно
Все в мире праздничном и нищем,
Где все прозрачно и черно). —
Вторым своим обратным днищем
Она туда обращена,
Откуда так же не видна
Земля, как нам небес изнанка,
Откуда все же видят нас.
Когда ж корзинка, прохуясь,
Труху небесную роняет
(Ее сверкающая дранка
Еще в полете остывает),
Мы в это время — меж прорех,
Образовавшихся в корзине,
Вдруг различим умерших всех,
Но не увидим — что за ними.

Какая-нибудь буква над бумагой
Зависнет вдруг (Смотри, пчела над розой!).
И веет от нее такой отвагой,
И смысл в ней не кажется занозой;
Весь мир — от первой судороги древесной
До дрожи звезд — счастливая разгадка,
А сердце в нише огненной и тесной —
Как меж страниц текучая закладка.

86

ЗЕРКАЛО

Что делать: вспыхнувшая память
Сжигает времени кислород,
Ноздреватым снегом таять
Вдруг начинает перегород-
ка, Что вращала в алые зерна
Дней, лепивших гранатовый плод —
И в пустоте внезапной и черной
Вместо нее зеркальный лед:
И тупо ты каждый шаг повторяешь
Зеркального мертвого двойника,
И тусклое зеркало протираешь,
Не зная: твоя или чья? — рука.

87

ОДА НА ПАДЕНИЕ АНГЛЕТЕРА

Раздроблен день. Но звон стеклянный
Внезапных мартовских лучей —
Веселый, детский, безымянный —
От этого еще звончей.
И вдоль цветных домов-шкатулок
Бежит короткий переулок
К широкой площади резной,
Где самозванная Европа
Себе из крема и сиропа
Скроила терем расписной!

В конце зимы, как солнце глянет,
Все — черно-белая фольга,
Все — блеск и тьма, все — грязь и глянец,
Дома — белы, черны — снега.
А если где-то цвет ослушный
Проявится: волною душной
Он роговицу глаза гнет.
То человек, то звук, то зданье
Цветной неповторимой гранью
Неосмотрительно мелькнет.

И переулок застывает
Как раз у дома, что своим
Румянцем площадь вызывает
В последний раз сразиться с ним.
Вот, руки тяжкие раскинув,
Дом держится еще, малинов,
Хотя его и пробил час,
Хотя ему придется туго, —
Стрела поверх золотого лука
Неторопливо улеглась.

Уколото волшебной спицей,
Застыло время надо мной,
Оно намерено сразиться
С любовной горечью земной.
Но вот, из лука вылетая,
Проносится стрела золотая
Быть может в дюйме от меня.
Штурм начался — и дому скверно.
У ног германского модерна
Он — столп бенгальского огня.

Вот слева раздается ржанье,
А справа звон колоколов,
Вот жизни трепетной дрожанье
Рождает рой неясных снов
И прекращается. И стены
Неспешным танцем светотени
Захвачены. Но все быстрее
Мелькает черно-белый танец,
Он восстанавливает глянец
В зияньях окон и дверей.

Пал Англетер. Теперь сияет,
Дымясь, бесцветная дыра.
А человек не понимает,
Что это не его игра.
Он наблюдал борьбу бисквита
С фольгой сессии. Разбита
Колонна мармеладных плит.
А человек смущен и грозен.
В дыру он смотрит — грандиозен
В дыре Ширяевец висит!

...Вот время оживает гулко.
Все грязно-желто и черно
Теперь во чреве переулка
И время здесь побеждено.
Но пыль рассеется, и скоро
Такой же дом взойдет из сора,
Как феникс встанет из руин.
Никто не вспомнит, что когда-то
Спускался он к пределам ада —
Бисквитно-финский исполин.

87

Слышу поступь январских садов
И садов, истомленных жарою,
Их деревьев, чья крепкая кровь
Отстоялась за ветхой корою.

Легче ветра защитная ткань,
Шелестят за плечами котомки.
И для них тяжела эта грань,
И дрожат их зеленые кромки.

Мир нацелен на них. В стороне
Чуть отставшая плачет дриада.
«Где топор?» — говорит она мне. —
«Ничего, ничего мне не надо!»

87

Как зимней полувзгляд звезды
В полночной ледящей чаше,
Как в темном воздухе тончайший,
Протяжный свист, как хрип урчащий
Деревьев на крещенской стуже,
Как бронхи времени (к тому же
Дыханье времени все уже),
Как все, что вечно угрожая,
Само висит на волоске,

Так проступает жизнь чужая
На времени сыром песке
Когда глядишь в ее невнятный,
В ее неповторимый лик,
То кажется — к своей обратной,
К своей невидной тьме преник,
Как будто зренья злое жало
Способно вечность прободить...
Вздохнешь — и с шумом набежала
Прибоя спутанная нить.

87

Неродимая родня
Части мира друг для друга —
Клекот, щебет, воркотня,
Комариная догука.
И, трещавшие когда-то,
Стали снова предо мной
Равномерные квадраты
Бурой засухи земной.

Будто ящерка мелькнуло
Время раннее мое,
Прошуршало, обмануло
И себя перечеркнуло —
Желтый хвостик — острие.
Кто в сухих камнях шуршит?
Под иглой чертополоха
Хвост оторванный дрожит,
Нету времени для вдоха,
Снова ящерка бежит,
Новый хвост из черноты
Вырастет. Но неужели
Ей еще не надоели
Эти новые хвосты —
Каждый намертво пришит?

Ворона — креповая повязка
На тополином согнутом рукаве,
Воробьи — в ладони его, как связка
Ключей. И метель в его голове.

И вот — он кладовщик, он застигнут
В траурном движеньи своем,
Когда вверх дном опрокинут
Его (не его, он его охраняет) дом.

Все — мыши сухое шуршанье
В прошлогодней листве и сама листва,
Гальки мелкое бормотанье,
Корешки, ростки, небо, дождь, трава —
Все опрокинулось и застыло
В состраданьи. А кругом чернота, пустота.
Жаль ему года. И все уже было, все было,
А он должен сверять счета.

88

ВСТРЕЧА

В парке музыка играла,
Теплый воздух был душистым,
Я кого-то повстречала,
Кто казался слишком частым
Гостем наших вечеров.
Он сказал: Земля простыла.
Как кровь ее ни омывала, —
И странно поглядел уныло.
Да что ты, — я ему сказала, —
Земля кипит, кипит в крови,
Не говори, что крови мало
Для состраданья и любви.
Но он заплакал, он заплакал,
Лицо капризное закрыл,
И снова по земле горячей
Простылой тенью уходил.
Цвела черемуха в овраге,
И были красными цветы,
Как будто бы вино из фляги
Вдруг выплеснули на кусты.

Разъяслась сфера, и мрак небесный
Дождем серебряным пролился,
И под клокочущей этой бездной
Спасть нельзя и погибнуть нельзя.
Стремятся звери, клекочут птицы,
Встекают рыбы в небесный пруд;
А эти жалкие колесницы
Не рушатся, но и вверх не идут.
Взрастают травы, по стеблям диким
Бегут счастливые муравьи;
Всяк малый кажется здесь великим,
Оглядываясь на земные труды свои.
Вместила Роза весь сад небесный,
И всяка тварь притекла туда;
А у подножия чащи тесной
Безумные строятся города.

*Грустно царственной Церере,
Грустно клену, грустно мне.*

В соплях, в слезах — разнеженная осень
Глядит в окно.

Она вцепилась черными ногтями
В свое еще зеленое лицо.

«Мне все равно», — как будто говорит,
А ловит, ловит блестящими сетями
Чужую жизнь.

Вот побледнела:

Последний георгин в саду горит,

Она его в свою петлю продела,
И тянет кровь его и глазками косит,

Как будто бы его не замечает,
Как тошно знать, что это означает,
Как неприятно, робко все молчит.

Все белое. И только я смотрю

В ее глаза. Они в меня глядят

И слабый хмель вытягивают в ночь.

Никто, никто не сможет мне помочь.

Покорно, но невнятно и жестоко,

Я говорю (так глупо, невпопад):

«Мне очень страшно, очень одиноко».

И звезды опускаются на сад.

**ИГУДА ГАЛЕВИ ПОСМОТРЕЛ НА
НЕБО И УВИДЕЛ ДЕВУ-НОЧЬ В ПЛАЩЕ,
РАСШИТОМ ЗВЕЗДАМИ, А ТА,
ЧТОБЫ ПОШУТИТЬ НАД ПОЭТОМ,
ВЫВЕРНУЛА ПЛАЩ НАИЗНАНКУ**

Затерянной запятой,
Не находящей места,
Месяц стоит золотой,
Отбившийся от текста,
И темень стоит кругом,
Как будто бы негритянка
Звездным своим плащом
Укрылась, но нам — изнанка,
А теплому телу — свет
Холодных, колючих литер..

А вдруг, ничего там нет,
А только танцует ветер?

Но видел Галеви лик
Черной грозящей девы
И сердцем к ночи приник...
Но, сонмы ангелов, где вы?

И глядя в родную ночь,
Я говорю: Постой,
Я страх могу превозмочь,
Но что там, за запятой?

89

ПЕСНЯ

Всюду, Господи, сверкает
От лозы Твоей вино.
Вот оно с куста стекает,
Вот в реке кипит оно,

На устах моих румяных,
Жаждой мучимых Твоей,
Столько этих капель пьяных,
Больше, чем у жизни дней,

Но на языке лукавом
Только пресная вода,
Он в хмельном соку кровавом
Не купался никогда,

Дай напиться мне однажды
И заклятье отведи.
Столько жара, столько жажды
Я ношу в своей груди!

Пьяны горы и поляны,
Пьяны птички и жучки,
Только люди — те не пьяны,
Трезвые у них зрачки,

Коль и мне не выпить с ними
От вина лозы Твоей,
Сделай жажду нестерпимей,
Воду — соли солоней.

89

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Жизни взгляд через плечо,
Детства робкое скольжение
В нежной заводи глухой
Далеко и горячо.
В этой жизни унижение,
(А не отдых и покой) —
Это жемчуг в черноте,
Зерна белые в навозе...
Дни нежнейшие — не те,
Что блестят в воздушной розе
Северных прозрачных утр.
Сокровенно унижение,
Жизни черный перламутр,
Детства робкое скольжение,
Жизни взгляд через плечо.

2 (ГДЕ ГНУТСЯ НАД ОМУТОМ ЛОЗЫ)

В узкой форточке хлопчет
Августа большая ночь,
Как павлины в зоопарке
Раскрываются кусты;
Гусеница строит кокон,
Чтобы стрекозе помочь
Оттолкнуться от пространства
И сказать дитяте: «Ты
Подойди поближе — омут,
Как персидская сирень,
Для тебя она надела
Свой тяжелый сарафан!»

90

ИГРА В ПРЯТКИ

Как виноград, растущий
На склонах вечерней горы,
Взволнованно, тихо пьющий
Ночных облаков шары;
Как виноград, дающий
Кровь свою на вино,
Взволнованно, тихо ждущий,
Когда синее упадет руно, —
Так мы живем.
Но горящий,
Бессмертный на склонах неба сад
Утешает ночной, дрожащий
Завитыми лозами виноград.
И нежно в его лучах шевелится
И нервно крыльями водит ночница,
А небесной бабочки хищный взгляд
Для нее — надежный бессмертный брат.
А когда человек на небо глядит,
Он видит только блестящий щит.
А когда в траву его опускается взор,
Чей-то пристальный на него опускается взор.

В.Ш.

Сюда, сквозь расщелины в масляной ночи
С Востока взирают закрытые очи
Немилых Украине раввинов;
А с Севера смотрят летящие козы,
Любовники держат увядшие розы,
Как будто, из пламени вынув

Горящую скрипку, скроенный из праха,
Из неги субботней, из вещега страха
Стоит цепенеющий Кто-то,
А южное небо в таинственных знаках,
И кровь неотмщенная плещется в маках,
И тянется мертвая нота.

И здесь, в этом страшном ее клокотаньи
Веселые тени козацкой Украины,
Андрій со своею изменой,
Пузастые дети, глазастые вишни,
Турецкий султан, и лиловый Куинджи,
И Гоголь — один во вселенной;

Здесь дурень, что бросил беленую хату,
И черный бунчук богоданного ката,
И череп коня со змеєю;
И ветер отравленный тихо колышет
Ковыль, и очами печальными вышит
Правоздух над этой землею.

Украйна! твои москали и поляки,
Жидаы и татары — лишь вечные знаки —
Сойдутся для детского плача
По той первобытной отчизне-чужбине,
Что в белых садах затерялась, отныне
Ни жизни, ни смерти не знача.

90

Когда ребенок ищет в словаре
Случайно днем услышанное слово,
Он сбивчиво листает: «и», «эль», «ре»,
Назад — вот «пе» ... и застывает, словно
Не список наспех вычитанных слов,
А свой цветной пластмассовый конструктор
Он погружает в непомерный лоб
И строит смысл — А все протуберанец
То кажется созвездьем, то цветком,
То минералом, превращаясь зря
Во все слова, с которыми знаком,
И мир дрожит под коркой словаря.

И может быть, когда при свете дня,
При свете ночи, в свете сновидений,
В огне воображения, гоня
По кругу кровь, какой-то смутный гений
Вдруг застывает посреди души,
И человек, неся озноб вдоль ног,
Вдруг застает себя в такой глуши,
Где он не то чтоб даже одинок,
А не рожден, но будто бы врасплох

Его застали взрослые на стыдном,
Быть может, в это время в яйцевидном
Ядре сияющем, грызя карандаши,
Над буквой «че» о чем-то плачет Бог.

90

Бедный, прибранный дом, голубиная нежность двора:
И как будто бы ветхих скамей многолетняя тишь:
Так привяжется к уху какой-то мотив — и бубнишь,
И бубнишь и поверишь (пока не соскочит с пера
Описание места пустынного, сирого дня
Колыханье пока не застынет в белесый сироп),
Что какому-то саду любезна твоя болтовня,
И какому-то саду милы очертания троп,
По которым в полуденной еле заметной тени
Забубнишь, забредешь в очертания места пустынного,
Нет которого, не было даже в те давние дни,
Когда здесь проводила короткое лето Мартынова.

II

Голубь вспорхнул и змея уползла,
И на пустынном крыльце
Колкий лишайник, и воздух набит
Ватой и чем-то еще.

Если взлететь, а потом посмотреть
Вниз и назад, то в пустынном кольце
Ты не увидишь ни страха, ни зла,
И не унылым окажется вид,
Обвитый дождем, как плющом.

Так бы и можно было лететь,
Шею свернув назад за крыло,
Будто птичий Орфей, и плакать и петь:
«Ах, что ушло, то ушло.
Я не беру с собой этой жены,
Тленом пахнут перья ее».

Но не дождя, не речной волны
Там ищут, клюв нацеливши вниз, —
Только в кровле клекот и воркотня
Блаженны, да шипение за крыльцом...

Но голубь вспорхнул и змея уползла,
И не хватит всех дождевых линз
Рассмотреть, что там теперь за возня.
И если лететь, то наоборот:
Желтый свой клюв устремив вперед,
С птичьим — глупым и злым — лицом.

93

*...Еще у меня есть претензия,
Что я не ковер, не гортензия...*

А.Введенский

1

Природа мне несет
Ей ведомую весть,
Ей ведомую, но
Рожденную не ею,
А для меня ее
Значение темно,
Ее простой язык
Я изучить не смею.
Весенний черный снег, оживший в черных лужах,
Прожилки на крыле любого комара,
Гусь, тормозящий, как на водных лыжах,
Любого пня трухлявая кора
Об этом говорят. В этрусских этих знаках
Еще хранится типографский запах,
Но горсть наборного свинца не говорит,
Что за узор она в себе хранит.
Быть может, эта весть напрасна и страшна,
Хоть блазнит в ней подобие покоя...
И те, кому она была на миг ясна,
На век венчаются со смертною тоскою.

А может все не так, и в воздухе раскисли
(Как дрожжи облаков) разрозненные мысли
Тех, кто не заглянул еще за эту грань,
И ни о чем таком не говорит герань.
Но что-то говорит природа, что-то есть
Волнующее, как единственная весть.

2

Жаркий щебет на бульваре.
Шерстяным теплом согрет
Блеклый день. И к каждой твари
Льется сумеречный свет.
С некрасивых колоколен
Наковальный звон упал;
Мир пустынен и околен,
И своим добром завален,
И в другую жизнь влюблен,
И от этого устал.
И о чем-то знает он:
Лучше быть ему бродягой,
Попрошайкой, бедолагой,
Неказистым воробьем...
Человек живет вдвоем
С этим нежным и опасным

Миром, щедрым и напрасным;
Заглянув за окоем,
Разорвав золотые нити,
Ускользнув сквозь эти сети,
Он бы снова увидел
Золотые ворота.
Тот же голос бы сказал:
«Проходите, проходите,
Проходите, господа!»

91

Ночь разоблачает все предметы.
Раздетые дома и тени в переулке,
Грузовики и липы на бульварах —
Спят под дождем. В их лицах черно-белых
Недоуменье, недовольство: где приметы
Их тихой жизни? явь или обман
Их новый вид? Но четки и подробны
На них вдруг проступают письма.
Ночь движется, собой освещена,
И можно до предутреннего света
Зубрить миропорядка алфавит:
То знак мелькнет в невыключенных фарах,
То в чьем-то шепоте, то в чьей-то злой прогулке,
Бог знает в чем еще, пока горит
Черный экран.
День одевает эту наготу,
Но прячет знаки в яркие ячейки.
Язык уходит в неразъемный лепет.
И сидя на бульваре на скамейке
Вы зря стараетесь хотя бы вспомнить ту
(Избывшуюся в каблучках дождя,
Ни слова не сказавши, уходя)
Ночь, что ушла, небрежно захватив
Миропорядка стертый негатив.

Сусанне Гиршович

Полированных ягод европейская ночь,
Скажи, что мне вспомнится через тысячу лет?
Кто мне сможет ответить? Кто мне сможет помочь
Разобрать этот сумеречный свет?

Мне неведом язык этих несимметричных домов,
Я не знаю, о чем говорят они по ночам,
Будто шелест сафьяновый пахнувших кровью томов,
Будто холод, пробегающий иногда по плечам.

Я не знаю, что нужно мне в этой немилой земле,
Я не знаю, зачем так пленяет ее красота,
Я не знаю, что окажется завтра у меня на столе,
Тот же шелест бумаги, та же ли пустота?

90

К ЗИМЕ

Когда зима, и мятной крошкой
Осыпан теплый шар садов,
Жар детства, мягкая простуда
Вдруг напевают ниоткуда,
И жадный времени сквозняк
Метет-метет своей дорожкой, —
Стой-стой! ... и детская любовь
Дрожит, как поздний дрозд на ветке.
Как попугай в зеленой клетке
Ты все твердишь, о чем сама
Не знаешь... Стой, смотри, вот этот
Жлоб, окликающий тебя,
Глядит козлиными глазами
В свой детский тающий туман,
Он останавливается с нами,
Гнилые зубы теребя...
Спроси его и он ответит,
Что жизнь — чудовищный обман.
И все. Уже через минуту
Он позабудет разговор,
И драгоценный детский сор,
И бесконечную простуду.

И плюнет, и пойдет туда,
Где баба, шнапс, кровать, еда.
Ах, если б это было тайной,
Ах, если б в этом сквозняке
Нам открывался дар случайный,
Зажатый в грозном кулаке.
Ах, если б тайною казалась
Твоя случайная игра,
Тогда б другое вырывалось
Из-под холодного пера.
92

КОНСПЕКТ ПСАЛМА 89

До этих гор, до их равнин, до этой крошечной вселенной, Господь наш Бог, Господь един, и после них — лишь ты нетленный.

Ты возвращаешь снова в прах всех тех, кого воззвал из праха, и вечность у Тебя в руках, как день у нас в долине страха.

Ты их уносишь, как поток, как быстрый сон их появление, как чуть раскрывшийся цветок, уже точащий запах глени.

Их скуден хлеб, их труден путь, они бездарны и трусливы, но дай им спелый свет вдохнуть, взрастить зерно небесной нивы.

Дай примешать небесный сок к их слишком непрозрачным винам. Тяжел их труд, и краток срок...

Так помоги нам, помоги нам!

И звуки, и краски, запахи, и очертанья
Домов и деревьев — только мешают всмотреться
в пустоту И вслушаться в воркотанье
времени, Продолжающего об нас тереться.
Времени дверцы от чьих-то рук жеста
Вдруг растворяются, потайные,
От неловких каких-то движений,
И мы остаемся без места
Среди бесчисленных отражений
времени. И мы думаем: означает ли это
Наше бессмертие, или наше отсутствие,
И вообще, кто кому снится?
Но, как и должно, бессмысленна эта зарница
времени. Дверца захлопнется, жизнь начнет
шуршать и смеяться
Смехом, в котором грудная прелесть рыданья.
И бесполезно всматриваться и озираться —
Лишь звуки, лишь краски, лишь запахи, лишь очертанья
Домов и деревьев.

*Среди этого черного света
В глубине бесконечного сада:
Нераскрытая роза рассвета,
Закрытая роза заката.*

Что знает речка о русле?
Паук о своей паутине?
И что знает холст о картине?
И кто знает, знает ли кто, кому это нужно,
Чтобы всюду была эта пропасть,
В которой все бесконечно страшно и нежно?
И что знает о шелке изнанка шелка?
Везде — нерозрачная скрытая полость,
А в ней все полно пения, посвиста, стопа, щелка!

1

Когда в саду он трогал каждый стебель,
Он говорил: Будь Роза! будь Польша!
Когда в сухом шуршании шмеля
Он узнавал шуршание песка,
Он говорил: какая-то тоска
И счастье от того, что так похоже
Все. Даже эта бурая земля
Под нами, как разломленный гранат.
Когда он слышал гром, вдруг сзябнувшая кожа
Припоминала гладкий виноград.
А тающей луны летучий кислый сок
Стоит на небесах, как чей-то страшный рог.
И даже рыбы в маленьком пруду
Напоминают яблоки в саду...
— Чем? Он сказал: пронзительной удачей
Жить, называя необъятный сад.
Твои глаза похожи на газелей...
— Чем? Он сказал: соски как виноград.

В разломах, в прорехах я вижу то,
Что не видит больше никто.
Я шел вдоль всех четырех рек,
И я точно знал, что не я их нарек
Я вечно в небе вижу огни,
И я думал раньше, что мне сродни
Солнце, луна, звезды и свет.
Но я точно знаю, что я другой,
Я знаю точно, что во мне не огонь,
Не воздух, не прах, не вода.
Когда мне жук щекотал ладонь,
Я вдруг подумал, что я Его сон,
И рыбы, и звери, и суша, и твердь;
И я понял, что здесь никто никому
Не нужен, если не нужен Ему,
Что Его пробуждение — наша смерть.
И когда я спал, Он пришел ко мне
И сказал: вот видишь — и Я в твоём сне,
И твоё пробуждение — что?
И теперь на меня, на льва, на тельца,
На змею, на тебя — свет Его Лица
Будет падать вечно. И то,
Что я вижу в разломах мира Его,
Как назвать это, если там — ничего?

Если сникший цветок
И высохшая пчела —
То же, как все здесь, знак,
То знак этот — ночь, зола.
Не верю я, что на сад
Чья-то светлая тень легла,
Здесь, куда ни нацелишь взгляд,
Губы шепчут: я здесь была.
Ни тайны, ни страха нет,
А поющая эта игла,
Точащая нервный свет
Не навечно меня прожгла.
Когда пролетает змей,
На дереве пахнет смола,
Ты говоришь: не смей!
Я чувствую, как мала
Удача не знать ни о чем...
Не я этот свет зажгла,
Не я задвину плечом
Его за все зеркала,
В которые смотришь ты,
Не я сотру со стекла
Тускнеющие черты,
Но стерла бы, если б смогла.

4

Я хочу домой, где-то есть тот сад,
Где совы в обнимку с мышами спят,
Где змей, пролетая над птичьим гнездом,
Поет колыбельную — там мой дом.
Где-то пруд, в котором отражена
Что-то вечно шепчущая жена,
Где-то есть огонь, холоднее льда,
И я вечно буду хотеть туда,
Где я видел тот непалящий свет,
Где я точно знал, что ответа нет
На шепот, на жажду узнать о том,
Что забылось, как все забылось потом.

92

Неровным, обманно-нервным лицом
Глядит пустота в пустоту.
И эту дырявую рыхлую плоть
Так тяжело и скучно бороться.
Как два чудовища морские
Две пустоты свились кольцом,
Здесь привкус кровяной во рту
Почует мореход.
Что может он один среди надменных вод?

Путнику прах дороги верней
Обманных обеих ее сторон.
Кто поставил и выкрасил этот лес
И лиловый закат над ним?
Сфабрикованным шепотом трухлявых кулис
Куда он ведом и гоним?
Грай торжествующих ворон,
Победный хоровод теней
Нагонят страху на него,
И угораздит в пустоту
Бегущий прочь из ничего.

Сонным змеем совьются дни в кольцо.
Придавит голубя колесо.
И немые города
Упрячут шепоты пустоты.
Прольется сирень, отразятся мосты,
Подмигнет небесам вода.
И скажет плоть всосавший мрак:
«За что боролся ты, дурак?»
Сомкнутся воды, но тогда
Взойдет печальная звезда.
И всякий, кто сможет еще идти,
Тихо подумает: свети.

93

В.Струкову

Внезапной жажде подобно
Быстрое бормотанье
Жизни чужой и забытой,
Как устрица нераскрытой.
И чужое дыханье
Пристально и подробно.

Не сон смущает, но черты,
Оставшиеся от
Его обманной простоты,
Его дремучих вод.
Ты можешь пошутить над ним,
Но не поможет это,
Когда лицо укроет в дым
Заспанная Грета.
Скажи: Каренина, душа,
Улыбка, дым, перрон...
Она была так хороша,
Так благороден он;
Но если ты смешаешь сны,—
Она — ледок улыбки,
Он — слава ледяной страны,
Пустой окурок «Шипки».

Но что смущает? то ли сна
Смещенное движенье,
То ли моря и вина
Подложечное жженье?
Ночь, юг, веранда, красное вино,
Гортанный голос, слышимый все глуше —
Все памятью едва освещено,
Как фонарем полоска желтой суши.
Медузой страшной посреди морей
Имперской розы виделось кольцо,
Но в зеркале она еще страшней,
Когда увидишь в нем свое лицо.

Когда не крови черный шар,
Пускай бы отцвела,
Пускай бы этот пышный пар
Забыли зеркала.

Скажи: Каренина, душа, —
И карта сна готова.
И сгинувшая навсегда
Исчезнет снова.
Она была так хороша,
Но сна блескучая вода
Накрыть ее готова.

ХОЛМЫ

Так далеко холмы отведены,
Что взгляда осторожное скольжение
Их не приблизит. Лишь в отображеньи
Они любым другим холмам равны.

Их линия изменчива. К примеру,
Мы расположим на переднем плане
Румяную и толстую Венеру —
Холмы над ней тотчас же повторят
Живот и грудь; — и засаднит в гортани.
Посмотришь вверх, там облака горят.

А если белокурая еврейка
С чужим младенцем на худых руках
Зависнет перед ними в полушаге, —
Холмов недавно женственная змейка
Изгладится в холмистый мягкий фон,
Барашки из некрашенной бумаги
Заблеют на приподнятых лугах,
И облака возьмут молочный тон.

А то еще изобразить окно.
Здесь даму в шляпе, там коня с вуалью,
А что холмы подернет зябкой далью —
Коню и даме будет все равно.

Но если все оставить просто так?
— Висят холмы, вечерний воздух влажен,
Вверху снуют стрижи, внизу жуки:
Холмы на расстоянии руки, —
И можно соскрести ненужный лак:
Сам для себя пейзаж не много важен

Но надо бы поторопиться
Не то холмы сомкнутся с мраком,
И только облака над ними,
Что были непонятным знаком,
Вот-вот окажутся горами —
И снова все преобразится.

Время качается, как луна
На невидимой ниточке,
Как волна океана:
посмотришь — грузно ползет назад
Отвернешься — летит вперед;
Или вот —
Растекается подобно улиточке.

Невидимо никому, оно
Изнутри зловеще освещено,
Тяжело в командорской его руке...
И что мы можем сказать Одному,
Кто, кажется, неподвластен ему,
И на каком языке?

Когда на землю сползает ночь,
Когда на небо вползает день, —
Есть пауза, пустота, есть точ -
ка, Чтобы в ней уловить тень
времени; Но душистой росы волна,
Или звезд рассыпчатая мука,
Или шмеля обиженная струна,
Или мелкая дрожь ветерка,
Отвлекут, запутают, загаддят,
И ты слышишь — совы в лесу летят,
И ты видишь — в городе падает снег.

Как прочна эта ткань, без швов и прорех...
Этот терем без окон и без дверей
так искусно соткан. В Руке Твоей
даже время. Не из него ли Ты
Ткал этот необъяснимый узор?
Вьшь от страшной его красоты,
Все равно, что, к Тебе устремляя взор,
сказать: «... — но на каком языке?» — ...

93

Зависает песня комара.
Акация звенит, гниют останки крысы,
Фонтан, как зонтик, среди пыльного двора —
Так лето с дряблым личиком актрисы
Свой разворачивает балаган,
Где можно выбрать все из ничего...
Кто-нибудь, соскучившись по виду
Чугунных листьев (о сколько лет!)
Найдет случайные раскопки.
В них есть душа, в них плоти нет.
На эту ль улицу я выйду
Подслушать разговор теней?
Отсюда жизнь моя видней,
Чем прошлое.

Фрагмент чугунного сада
Так много напомнит тому,
Кому ничего не надо.
Лишь лица в нечетком дыму
Качнутся, как отраженья
Свое среди стольких чужих.
Их выдаст любое движенье,
Невидимое для них.

На ветку, что в сердце вопьется
Чугунным своим плющом,
Присела Психея, смеется,
Не хочет знать ни о чем.

93 .

О.

Там, где царит река,
Где солнце крошится на сколке дня,
Круглые звуки языка
Как мечи скакали вокруг меня.
Там было больше теней, чем тел,
И так был запущен чугунный сад,
Что даже в мороз где-нибудь потел
Черный, во времени сбившийся виноград.
И потому, что он так зарос,
Этот сад, он уже исчезал,
И в ненужную роскошь чугунных роз
Хаос узкие когти свои врезал.
Там было больше зеркал,
Чем испуганных отражений,
И было больше сквозных лекал,
Чем верных слов и движений.
А от некоторых слов
Поднимался пар кровяной,
И от некоторых снов
Пахло паданцами и виной.
Там и садовник был,
Но от старости и тоски

Он лейку свою забыл
И на розах сушил носки.
Но и там можно было смотреть
Из какого-нибудь угла
На то, что прекрасно, и петь
Бессмысленное «ла-ла».

Вот все, что я знаю про сад,
И про все другие сады.
Красота — это, может быть, ад,
Как все другие ады,
Где можно будет сидеть,
Там, где помягче зола,
Надкусывать яблоки, петь
Бессмысленное «ла-ла».

93

СУМАСШЕДШИЙ КУЗНЕЧИК

Летит с кустов какой-то пух,
На соснах дрожит смола.
И птичьих клювов вечный страх,
И ледяная игла,
И ватка с эфиром,
Что веет над миром —
Все у небесного кузнечика в руках.
Осы теньями мелькали в росе,
И густо-слоенные крылья ночниц
Черным снегом роились в овсе,
И медвяные дождики не начались,
Когда он прилетел,
Как листок пустотел.
— Так о чем твоя песня?

— О жирной земле,
О прозрачных плодах в звенящих садах,
О том, как можно в остывшей золе
Зарыться — не вспомнит никто обо мне.
Было: сто тысяч таких, как я
С земли поднялись во внезапном огне,

Казалось, что не
сжигая все, но наново кроя.
Среди голой зимы я очнулся один —
А воздух от жара дрожал —
Я себя ногами отгородил
И щеки руками сжал.
Пала тьма, блескуча, густа и жестка,
Как плащ какого-нибудь жука.
В этих крыльцах укрыл бы я без труда
Жалкую зелень стыда,
Но я мчался без времени и пути,
И я-то рад, что сумел найти
Этот край, где покой и роса,
И легкие небеса...

... Он остался с нами, всегда на былинке одной
Покачивается, вглядывается в пустоту.
Мы облетаем его стороной
(Что мы? — даже птицам невоготу
приблизиться), Этот жалкий блеск,
Этот жаркий треск
большой и шумной его головы —
Во всех решетках росы и травы.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Неслышно на поле легли	6
Где не было ни деревень, ни городов	7
Мой мир не населен. В нем воздух так прозрачен	8
Вдыхая холод воздуха и света	9
Время катит мою колесницу	10
Я не умру, когда поднимут надо мною	12
Катится колесо дождя	13
Такая быстрая зима, как век снежинки	15
Шампанским воздухом зима	16
Вырица	17
Три стихотворения про животных	
1. Ворона	19
2. Журавль	
I. Журавль рыдает, как Психея	20
II. Журавль рыдает, как Психея	20
3. Павлиний глаз	22
Вот синяя небес корзина	24
Какая-нибудь буква над бумагой	25
Зеркало	26
Ода на падение англетера	27
Слышу поступь январских садов	31

Как зимней полувзгляд звезды	32
Неродимая родня	33
Ворона — креповая повязка	34
Встреча	35
Разъялась сфера, и мрак небесный	36
В соплях, в слезах — разнеженная осень	37
Иегуда Галеви посмотрел на небо	38
Песня	40
Два стихотворения	
1. Жизни взгляд через плечо	42
2 (Где гнуться над омутом лозы)	43
Игра в прятки	44
Сюда, сквозь расщелины в масляной ночи	45
Когда ребенок ищет в словаре	47
Бедный, прибранный дом	49
II	
Голубь вспорхнул и змея уползла	52
1... 2	
1. Природа мне несет	54
2. Жаркий щебет на бульваре	55
Ночь разоблачает все предметы.	57
Полированных ягод европейская ночь	58
К зиме	59
Конспект псалма 89	61
И звуки, и краски, запахи, и очертанья	62
Что знает речка о русле	63

1... 4	
1. Когда в саду он трогал каждый стебель	64
2. В разломах, в прорехах я вижу то	65
3. Если сникший цветок	66
4. Я хочу домой, где-то есть тот сад	67
Неровным, обманно-нервным лицом	68
Внезапной жажде подобно	70
Холмы	72
Время качается, как луна	74
Зависает песня комара	76
Там, где царит река	78
Сумасшедший кузнечик	80
Содержание	82

КНИГИ АССОЦИАЦИИ "КАМЕРА ХРАНЕНИЯ"

Камера хранения. Четыре книги стихов. М., 1989, 208 стр.

Поэтические книги:

Олег Юрьев. Стихи о небесном наборе.

Ольга Мартынова. Поступь январских садов.

Дмитрий Закс. Прекрасных деревьев союз.

Валерий Шубинский. Балтийский сон.

- * Камера хранения. Выпуск второй. Спб., 1991, 256 стр.
Литературный альманах.
- * Камера хранения. Выпуск третий. Спб., 1993, 222 стр.
Литературный альманах.
- * Олег Юрьев. Прогулки при полной луне. СПб., 1993, 144 стр.
Книга о деревьях, насекомых, женщинах и, конечно, о луне.
- * Олег Григорьев. Двустышья, четверостышья и многостышья.
Спб., 1993, 122 стр.
- * Ольга Мартынова. Сумасшедший нузишчи. Стихотворения
Спб., 1993, 82 стр.

Готовятся к печати

- **Камера хранения. Выпуск четвертый.
Литературный альманах. Ок. 200 стр. Среди авторов:
Е.Шварц, С.Вольф, О.Юрьев, В.Губин, О.Мартынова,
Д.Закс, С.Юрьенен и др. Книга должна выйти в начале 1994 г.
- **Дмитрий Закс. *Agia d'Asquagio* и другие стихотворения.
Ок.80 стр. Книга должна выйти в конце 1993 г.
- **Сергей Вольф. "93+94". Стихотворения
Ок.80 стр. Книга должна выйти в конце 1993 г.

Книги, помеченные *, можно заказать и получить почтой.

Их цены в этом случае: альманахи - 15 нем. марок

авторские книги - 10 нем. марок + пересылка - 2 нем. марки

На книги, помеченные **, принимаются предварительные заказы.

В издания, готовящиеся к печати, принимаются рекламные объявления.

Заказы по адресу: Dmitri Zax, Roedarbergweg 121

160385 Frankfurt am Main, BRD / fax: (069) 490 98 01
